

МЕНТАЛЬНЫЕ КАРТЫ ГОРОДА В КОНТЕКСТЕ ПРАГМА- ДИАЛЕКТИКИ: УТОПИИ И ГЕТЕРОТОПИИ

С. В. Воробьева

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220004, Минск, Республика Беларусь
cherbourg@mail.ru

Ментальные карты города раскрываются в контексте прагма-диалектики, дифференцирующей их дискурсивные и конструктивистские аспекты. Обосновано, что дискурсивные аспекты данных карт связаны с утопией и гетеротопией, которые обуславливают территориальную и пространственную идентичность жителя города, конструктивистские – с языковой и речевой параметризацией этих идентичностей. Показано, что дискурсивный подход предполагает интерпретацию ментальных карт города в собирательном смысле, конструктивистский подход – в разделительном смысле. Холизм и дискретность предполагают различение коллективных и индивидуальных свойств и характеристик ментальных карт города.

Ключевые слова: ментальные карты города; территориальная идентичность; пространственная идентичность; утопия; гетеротопия; прагма-диалектика; холизм; конструктивизм.

MENTAL MAPS OF THE CITY IN THE CONTEXT OF PRAGMA-DIALECTICS: UTOPIA AND HETEROTOPIA

S. V. Vorobyova

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220004, Minsk, the Republic of Belarus
cherbourg@mail.ru

Mental maps of the city are revealed in the context of pragma-dialectics, which differentiates their discursive and constructivist aspects. It is substantiated that the discursive aspects of these maps are associated with utopia and heterotopy, which determine the territorial and spatial identity of a city dweller, constructivist – with the linguistic and speech parameterization of these identities. It is shown that the discursive approach presupposes the interpretation of the mental maps of the city in a collective sense, the constructivist approach - in the dividing sense. Holism and discreteness presuppose a distinction between the collective and individual properties and characteristics of the mental maps of the city.

Keywords: city mental maps; territorial identity; spatial identity; utopia; heterotopy; pragma dialectics; holism; constructivism.

Актуальность ментальных карт города обусловлена их методологическим значением и вопросами использования в качестве

когнитивного инструментария. Сущностные аспекты использования обусловлены необходимостью уточнения их концептуально-инструментальных и когнитивных свойств и характеристик. На этом основании цель статьи заключается в раскрытии указанных аспектов в контексте прагма-диалектики и дифференциации утопии и гетеротопии.

Ментальные, или интеллектуальные, карты служат когнитивным инструментом в установлении территориальной и пространственной идентичности, влияя на поведение индивида и его навигацию как в абсолютном, так и в относительном пространстве, конструируемом с помощью семиотических средств, включая языковые. Нетривиальные вопросы в таком влиянии сопряжены с выявлением субъективизма и искаженности представлений о пространстве, в котором должны быть различимы структурно-функциональные элементы утопии и гетеротопии. Наличие утопии как способа социального аргументирования в современном городском пространстве констатировал Дж. Александер, указав его предметы: гендер, расы, сексуальность, религия, любовь и др. [1, с. 7]. Поскольку утопическое проектирование направлено на создание образов и сценариев лучшего мира, постольку оно требует произвольности и раскованности воображения, альтернативности реальному настоящему. Факторы произвольности и раскованности воображения указывают на наличие отношений утопии с гетеротопией, непосредственно связанной с территориальной и пространственной идентичностью.

Гетеротопия выступает основанием ментальных карт города. Люди, живя друг с другом на одной территории, существуют в разных пространствах вследствие разных историй перемещений, их разных длительностей, следовательно, разных пространственных идентичностей. Пространство как социально конструируемый феномен является релятивным вследствие субъективности и его необходимо отличать от естественно-природного физического пространства, или территории. М. Фуко, раскрывая содержание гетеротопии, во-первых, обособил ее от утопии, в которой конструируется радикально иное место, во-вторых, определил как особое пространство, разрушающее непрерывность и нормальность в общих повседневных местах и создающее зоны инаковости [2]. Если утопии оказываются недостижимыми, то гетеротопии – аномальными. Критерии аномалий сопряжены с признаками гетеротопии, например, с соединением различных пространств в одном месте.

В гетеротопии должны быть различимы условия формирования территориальной и пространственной идентичности. Территориальная идентичность формируется в абсолютном пространстве, поэтому она

включает элементы сходства для установления общности и различие для отделения от остальных общностей, пространственная – с относительным пространством, поэтому она предопределена не свойствами мест, а вытекает из положения в пространстве, из системы связей и отношений относительно других объектов. И. Ю. Окунев перечисляет понятийный ряд, посредством которого раскрывается территориальная и пространственная идентичность: гетеротопия, пространственная инверсия, пространственный опыт, место памяти, пространственный миф, сопостранственность [3, с. 18]. В контексте указанного логического кортежа аномалии гетеротопии связаны с пространственными инверсиями. Их сущность обусловлена обратной пропорциональностью между абсолютным и относительным пространством. Близость в абсолютном пространстве в восприятии может обернуться дальностью в относительном пространстве и наоборот, когда, например, свое становится чужим, а чужое – своим. Пространственный опыт организуется в соответствии с историей жизненно-личностных перемещений человека, в результате чего формируются схемы восприятия окружающей действительности. В этом опыте места интегрированы памятью, выступающей механизмом различения и соотнесения мест в ментальных картах города. В частности, смысловая и эмоциональная нагрузка экскурсии по городу как конструирование нового пространства представляет собой различение мест и их взаимное соотнесение [4, с. 136].

Конструирование пространств является дискурсивно-языковым процессом, поэтому к методологическому анализу и оценке ментальных карт города применима методология прагма-диалектики. Этот подход оправдан пересечением в ней прагматики, включающей дискурс, язык и речь, и диалектики, предусматривающей раскрытие целостности посредством оппозиций. В своем двойственном подходе прагма-диалектика выступает не только ментальной картой критической дискуссии [5], но и ментальной картой города. В обоих случаях прагма-диалектика становится прообразом социальной и коммуникативной конструктивности и разумности. Методологически важно учитывать, что сами параметры конструктивности и разумности опираются на пространственные представления [6], которые категориально выражаются посредством различных инвариантов метонимической дискретности [7, с. 38], задающих масштаб и способы маршрутизации, посредством чего индивид организует систему отношений к себе, к Другому, к миру.

Дж. Лакофф сформулировал гипотезу о пространственном представлении формы, согласно которой абсолютное физическое пространство метафорически отображается в концептуальном

пространстве языка [8, с. 368]. Это означает, что в основе ментальных карт города лежат способы структурирования его абсолютного пространства. Эти способы детерминируют ориентационные схемы в ментальных картах, опирающиеся на процедуры категоризации. Их эффективность опосредована особенностями восприятия, двигательнo-моторной активности, чувственно-эмоциональной культуры, а также свойствами метафор и метонимий [8, с. 351–352]. В частности, метафорический холизм как видимость и зримость, или как диахрония понятийных представлений, преодолевается в контексте метонимических структур. С их помощью осуществляется рассредоточение объектов во времени и пространстве [7, с. 42].

Прагматика ментальных карт города – дискурс, язык и речь – выступают коррелятами социальных пространств и подпространств, поэтому они составляют предварительные условия ментального картирования и картографирования как научных методов [9–11]. Дискурс проявляет себя в двух ракурсах: во-первых, как язык и речь, погруженные в жизнь, во-вторых, как единство, с одной стороны, языка и речи, с другой, – коммуникативно-пространственных структур (утопии и гетеротопии). При этом дискурсивное выражение пространства не является точечным, оно развернуто и непрерывно. Точечные характеристики пространства задаются средствами языка и речи. В частности, ментальные границы актуализируются пространственными первообразами, которые проистекают непосредственно из жизненного пространства, создаваемого путем соединения реального и воображаемого пространств.

Различие дискурсивных и речевых аспектов ментальных карт города, во-первых, сопряжено с различием семантических значений таких карт и вытекающих из них прагматических особенностей, во-вторых, сопоставимо с различием холизма (эссенциализма) и конструктивизма. В частности, И. И. Митин разграничивает два полярных значения ментальных карт. Первое значение обусловлено «существующей в сознании людей информацией, связанной с восприятием окружающего пространства и отражающей индивидуальный или групповой образ города», второе – особенностями восприятия элементов городской среды, связанными с ее свойствами [12, с. 74]. Если первое значение в большей степени привязано к географической основе и территориальной идентичности, то второе в географическом отношении является индексным, т.е. условным, вследствие своей сопряженности с пространственной идентичностью. Поэтому данная семантика предопределяет прагматические особенности ментальных карт, раскрываемых в контексте сопоставимости дискурсивных и речевых

аспектов ментальных карт города с различием холизма и конструктивизма.

В холизме как подходе к ментальным картам города объектом выступает процесс отражения и репрезентации его территориальной реальности в умах жителей. Ключевые категории в этом процессе связаны с концептом места, имеющего символическое значение (например, *центр/периферия, старое/новое, главное/второстепенное, опасное/безопасное, традиционное (привычное)/инновационное*). До тех пор, пока объект сохраняет свое место «в устойчивой сети отношений», он «остаётся тем же самым объектом» [13, с. 34]. Социальная семантика детерминирована непрерывной дискурсивной совокупностью, последовательностью или длительностью. Ментальную карту города в этом случае можно интерпретировать, например, как личностную динамическую структуру, обладающую целостностью и опосредующую поведение агентов в социальном взаимодействии [14, с. 534]. Дифференциация социального взаимодействия или других непрерывных дискурсивных континуумов предполагает методологическое смещение в сторону конструктивизма, предполагающего выявление и фиксирование устойчивых и переменных структур и паттернов проектирования в ментальной карте города.

В конструктивистском подходе к ментальным картам города объектом выступает дискурсивный процесс объединения абсолютного и относительного пространств в жизненной среде города, заключающийся в комбинациях и рекомбинациях реальных и воображаемых образов мест пребывания и проживания, что наделяет их дополнительными смыслами и функциями. В пределах территорий как абсолютном пространстве могут сосуществовать различные его интерпретации в целом. Прагматика социальных пространств подразумевает их трактовки, допустим, как наилучшей или наихудшей среды либо как оптимальной или неудобной связи между частями пространства. или непреодолимым барьером. Например, строительство школы или паркинга будет оцениваться в зависимости от необходимости определенного места в жизненном личном пространстве: для получения образования или для парковки. Поэтому конструктивизм опирается на логико-математическую основу, так как работает с генерализированным содержанием и образно-графическими способами отображения. Генерализация содержания вытекает из предпосылки о том, что ментальная карта не является территорией, а выступает следствием ее культурного, исторического или иного когнитивного способа моделирования и опирается на ориентационные схемы в сознании, т. е. на территориальные привязки. В частности, информант, участвуя в «артикуляции объекта картографирования» [10,

с. 27]), создает интеллектуальную индивидуальную карту, фиксируя объекты посредством категоризации континуума и прокладывания маршрутов, соединяющих объекты. Пояснения, сопровождающие ментальное картографирование, подлежат интерпретации и оценке в дискурсивных, языковых и речевых аспектах.

Таким образом, концептуально-инструментальные и когнитивные свойства и характеристики ментальных карт города раскрываются в контексте прагма-диалектики, во-первых, как дискурсивный холизм, во-вторых, как конструктивистские образно-графические способы структурирования среды пребывания и проживания. Дискурсивные аспекты таких карт связаны с утопией или гетеротопией, которые обуславливают темпоральные и экзистенциальные особенности городской среды. Конструктивистские аспекты выявляются в соответствии с языковой и речевой параметризацией территориальной и пространственной идентичностей, формирующихся в контексте двойственности или радикализма реального и воображаемого, физического и социального пространств и подпространств.

Библиографические ссылки

1. *Александр Дж.* Прочные утопии и гражданский ремонт // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 3–11.
2. *Фуко М.* Другие пространства // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 191–203.
3. *Окунев И. Ю.* Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 1. С. 18–25.
4. *Глазков К. П.* Экскурсия по городу: ментальные карты как инструмент изучения образа города // Мониторинг. 2013. № 5. С. 136–151.
5. *Сарычева А. В.* Анализ и оценка информации в контексте прагма-диалектики // Человек в информационном обществе [Электронный ресурс]: сб. матер. науч.-практ. междунар. конф. (г. Самара, 28–30 апреля 2021 г.) / Самарский университет, социально-гуманитарный институт. Самара: Издательство Самарского университета, 2021. С. 654–657.
6. *Воробьева С. В.* Сетевая идентичность и социальная эпистемология: диалектика экстерриториальности и территориальности // Женщины-ученые Беларуси и России: материалы международной научно-практической конференции, Минск 26 марта 2021 г. / БГУ; [редкол.: И. В. Казакова (отв. ред.) и др.]. Минск: БГУ, 2021. С. 41–48.
7. *Воробьева С. В.* Когнитивные предпочтения логики в условиях неопределенности // Философия и социальные науки в современном мире: материалы междунар. науч. конф. к 30-летию фак. философии и соц. наук Белорус. гос. ун-та, Минск, 26–27 сент. 2019 г. Минск: БГУ, 2019. С. 38–44.
8. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Кн. 1: Разум вне машины. М.: Гнозис, 2011.

9. *Сарбаева И. Ю.* Ментальное картирование как метод изучения страхов в пространстве города // Социальные и пространственные измерения современного мегаполиса. Мат. IX социологич. чт. Санкт-Петербург, 3–5 апреля 2017 г. СПб.: Норма, 2017. С. 46–51.

10. *Веселкова Н. В.* Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология. 2010. № 31. С. 5–39.

11. *Глазков К. П.* Ментальные карты: способы анализа, погрешность и пространственная метрика // Социология власти. 2013. № 3. С. 39–56.

12. *Митин И. И.* Ментальные карты города: история понятия и разнообразие подходов // Городские исследования и практики. 2017. Т. 2. № 3. С. 64–79.

13. *Ло Дж.* Объекты и пространства // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 30–42.

14. *Куприянец А. В.* Личность как континуум действия в аргументации // Мат. 75-й научной конференции студентов и аспирантов БГУ. Минск: БГУ, 2018. С. 534–535.